

Профессор Глогов В. А.

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ВИКТОР ФРАНКЕНШТЕЙН!
Предисловие к роману Валерия Сергеева и Виктора Хорошулина
«Люди и тени. Тайна подземелий Кёнигсберга»

(Неоконченная рукопись)

Notunculus (лат.), человек – несчастный, жалкий человек; в «Фаусте» Гёте – человек, созданный химическим процессом по указаниям Парацельса в «*De generatione rerum naturalium*»

[Энциклопедический словарь. Т. IX. Гоа-Гравёр. Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), Е. А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург, 1892. – С. 172.]

Парацельс (*Philippus Aureolus Theophrastus Paracelsus Bomlastus von Hohenheim*) (1493-1541): «Химия – один из столпов, на которых должна опираться врачебная наука. Задача химии вовсе не в том, чтобы делать золото и серебро, а в том, чтобы готовить лекарство». Он не отрицал возможности философского камня; в его сочинениях можно найти подробный рецепт приготовления гомункулуса. Автор «Магического Архидокса».

[Энциклопедический словарь. Т. XXII. Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), Е. А. Ефрон (С.-Петербург). – С.-Петербург, 1897. – С. 786.]

Альберт Великий (Альберт фон Больштедт), *Albertus Magnus* (*Albert von Bollstadt*) (род. ок. 1193, ум. – 15.11.1280) – отличался необычайной многосторонними познаниями в самых различных областях, в частности в области естествознания (Автор трактатов о минералах, растениях, животных и др.).

Атомная сказка

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

*Он пошёл в направленье полёта
По серебристому следу судьбы,
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.*

*- Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок,
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.*

*В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века,
И улыбка познанья играла
На счастливом лице дурака.*

Юрий Кузнецов (1968)

*Пока человека естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил её знаменья с верой;*

*Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нём дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.*

.....

*Но чувства презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканей...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.*

Баратынский Е. А. «Приметы» (1839)

Уважаемый проницательный читатель! Перед Вами новый opus уже известных Вам авторов повести-трилогии «Дух Альбертины и тайна старинной книги». Это новое произведение можно отнести к жанру экспериментального научно-фантастического авантюрного детектива с элементами мистики и реальности. Роман продолжает традиции авторов «Легенд о докторе Фаусте», Иоганна Вольфганга Гёте «Фауст», Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», Роберта Льюиса Стивенсона «Похититель трупов» и «Странная история доктора Джекила и Мистера

Хайда», Умберто Эко «Имя розы», Дэна Брауна «Код да Винчи», Патрика Зюскинда «Парфюмер: История одного убийцы».

В основу романа положены реальные события и факты, оригинально интерпретированные и экстраполированные в ближайшее будущее. У героев романа есть реальные прототипы. Авторы их модифицировали и перенесли в вымышленную реальность. Не хочется пересказывать сюжет произведения. Здесь Силы Добра ведут непримиримую борьбу с Силами Зла. В центре произведения Учёный Арсентий Ледовской, совершивший великое открытие, повторивший путь Виктора Франкенштейна из философско-фантастического романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Ему удалось создать киборга, которого практически невозможно отличить от человека. В отличие от чудовища Виктора Франкенштейна Арсентий Ледовской создаёт, в каком-то смысле, ангелоподобное существо Андрона, который бесконечно любит человека и беззаветно предан ему. Это существо достойно человеческой любви и само способно любить... Силы Зла – гомункулы - потомки существ-киборгов, которые когда-то попали на Землю, быть может, в то время, когда человечество ещё находилось в колыбели. Они внедрились в человечество, создали иерархию киборгов, среди которых есть властители и исполнители разного уровня. В процессе своей эволюции они утратили возможность самовоспроизводства. Открытие Арсентия Ледовского может помочь им решить эту проблему, и они пытаются привлечь его к её решению.

Начинается смертельная борьба. В этой борьбе Силы Зла имели преимущества перед возможностями человечества, но вот в борьбу на стороне человечества вступает Андрон – создание Арсентия Ледовского. Он уравнивает силы... Здесь есть всё: и описание калининградской природы, и любовь, и познавательные экскурсии в историю и науку, и приключения. Молодому читателю будет нескучно!

В процессе освоения романа в голову пришло несколько мыслей, которыми хотелось бы поделиться с проницательным читателем.

Итак, несколько фактов.

«20 мая 2010 года всемирно известный учёный Крейг Вентер объявил о том, что команда исследователей из Института его, Крейга Вентера, имени (J. Craig Venter Institute, JCVI) под его руководством удалось создать искусственный живой организм – синтетическую самовоспроизводящуюся клетку. В команду Вентера входят такие известные исследователи как Гамильтон Смит (нобелевский лауреат) и Клайд Хатчисон. Статья, в которой шла речь об этом открытии, была подписана 24 авторами. Для контроля, чтобы отличить синтезированный геном от старого, авторы статьи закодировали в нём в неважных местах свои имена и адреса электронной почты» [«Техника – молодёжи» - №922. – Июль 2010 г. – С. 6].

Nomunculus (лат.), человек – несчастный, жалкий человек; в «Фаусте» Гёте – человек, созданный химическим процессом по указаниям Парацельса [Philippus Aureolus Theophrastus Paracelsus Bombastus von Hohenheim (Парацельс) (1493-1541)] в «De generatione rerum naturalium».

«По собственному опыту могу сказать, что большую часть своих знаний по физике и математике я приобретал лишь тогда, когда у меня не было иного выхода: я просто вынужден был изучать тот или иной раздел науки, так как это было необходимо для моей собственной работы. Подозреваю, что подобным образом поступают и большинство учёных»

Стивен Вайнберг (Лауреат Нобелевской премии за выдающийся вклад в развитие современной физики – предсказание единой природы электромагнитного и слабого взаимодействия (совместно с Ш. Глэшоу и А. Саламом).

[Вайнберг С. Открытие субатомных частиц: Пер. с англ. /Под ред. И с предисл. Е. М. Лейкина. – М.: Мир, 1986. – 285 с., ил. – (В мире науки и техники). – С. 13].

Литература:

Баратынский Е. А. Стихотворения. Проза. Письма / Сост. И прим. В. А. Расстригина, А. Е. Тархова; Вступ. Ст. С. Г. Бочарова. – М.: Правда, 1983. – С. 135-136.

Шкловский И. С. О возможной уникальности разумной жизни во Вселенной. // Проблемы современной астрофизики. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1982. – С.166-189.

Шкловский И. С. Современная астрофизика и философия диалектического материализма // Проблемы современной астрофизики. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1982. – С. 217- 223.

И так. Виктор Франкенштейн, кто Вы? Ах, Мэри! Мэри Шелли! Милая подруга Байрона! Вы всерьёз приняли его предложение, сделанное в один из дождливых вечеров в уютной хижине на берегу Женевского озера, написать вечера очень страшную повесть... Вы очень постарались. Вашему воображению не было пределов. И появился он, Виктор, Виктор Франкенштейн...

«Естественные науки стали моей судьбой.... Однажды, когда мне было тринадцать лет, мы всей семьёй отправились на купанье куда-то возле Топоны?. Дурная погода на целый день заперла нас в гостинице. Там я случайно обнаружил томик сочинений Корнелия Агриппы. Я открыл его равнодушно, но теория, которую он пытался доказать, и удивительные факты, о которых он повествует, скоро превратили равнодушие в энтузиазм. Меня словно озарил новый свет; я поспешил сообщить о своём открытии отцу.

Тот небрежно взглянул на заглавный лист моей книги и сказал: «А, Корнелий Агриппа! Милый Виктор, не трать даром время: всё это чепуха».

Если бы вместо этого отец дал себе труд объяснить мне, что положения Агриппы были в своё время полностью отвергнуты и заменены новой научной системой, более основательной, - ибо мощь старой была призрачной, тогда как новая имеет по собой твёрдую почву реальности, - я, несомненно, отвергнул бы Агриппу, и насытил своё разгорячённое воображение, с новым усердием обратившись к школьным занятиям. Возможно даже, что мысли мои не получили бы рокового толчка, направившего меня к гибели. Но беглый взгляд, который отец бросил на книгу, не убедили меня, что он знаком с её содержанием, и я продолжил читать её с величайшей жадностью.

Вернувшись домой, я первым делом постарался достать полное собрание сочинений этого автора, а затем Парацельса и Альберта Великого. Я с наслаждением погрузился в их безумные вымыслы; книги их казались мне сокровищами, мало кому ведомыми, кроме меня. Я уже говорил, что всегда был одержим стремлением познать тайны природы. Несмотря на неустанный труд и удивительные открытия современных учёных, изучение их книг всегда оставляло меня неудовлетворённым. Говорят, сэр Исаак Ньютон признался, что чувствует себя ребёнком, собирающим ракушки на берегу великого и неведомого океана истины. Те его последователи во всех областях естествознания, с которыми я был знаком, даже мне, мальчишке, казались новичками, занятыми тем же делом.

Невежественный поселянин созерцал окружающие его стихии и на опыте узнавал их проявления. Но ведь и самый учёный из философов знал немногим больше. Он лишь слегка приоткрыл завесу над ликом Природы, но её бессмертные черты оставались дивом и тайной. Он мог анатомировать трупы и давать вещам названия; но он ничего не знал даже о вторичных и ближайших причинах явлений, не говоря уже о первичной. Я увидел укрепления, преградившие человеку вход в цитадель природы, и в своём невежестве и нетерпении возроптал против них.

А тут были книги, проникшие глубже, и люди, знавшие больше. Я во всём поверил им на слово и сделался их учеником. Вам может показаться странным, как могло такое случиться в восемнадцатом веке; но дело в том, что, обучаясь в Женевской школе, я по части моих любимых предметов был почти самоучкой. Отец не имел склонности к естественным наукам, и я был предоставлен самому себе; страсть исследователя сочеталась у меня с поведением ребёнка. Под руководством моих новых наставников я с величайшим усердием принялся за поиски философского камня и эликсира жизни; последний вскоре целиком завладел моим воображением. Богатство казалось мне вещью второстепенной; но какая слава ожидала меня, если бы я нашёл способ избавить человека от болезней и сделать его неуязвимым для любой смерти, кроме насильственной!

Я мечтал не только об этом. Мои любимые авторы охотно обещали обучить заклинанию духов и нечистой силы; и мне этого страстно хотелось; если мои заклинания неизменно оказывались? Тщетными, я приписывал это собственной неопытности или ошибке, но не смел сомневаться в учёности или точности моих наставников. Итак, я посвятил некоторое время этим опровергнутым учениям, путал, как всякий невежда, множество противоречащих друг другу теорий, беспомощно барахтался среди разнообразных сведений, руководимый лишь пламенным воображением и детской логикой, когда неожиданный случай ещё раз придал новое направление моим мыслям.

Когда мне пошёл пятнадцатый года, мы переехали на нашу загородную дачу возле Бельрив? и там стали свидетелями на редкость сильной грозы. Она пришла из-за горного хребта Юры?; гром страшной силы загредел отовсюду сразу. Пока длилась гроза, я наблюдал её с любопытством и восхищением. Стоя в дверях, я внезапно увидел, как из мощного старого дуба, росшего в каких-нибудь двадцати ярдах от дома, вырвалось пламя, а когда исчез этот слепящий свет, исчез и дуб, и на месте его остался один лишь обугленный пень. Пройдя туда на следующее утро, мы увидели, что гроза разбила дерево необычным способом на узкие полоски. Никогда я не наблюдал столь полного разрушения.

Я и прежде был знаком с основными законами электричества. В тот день у нас был гостил один известный естествоиспытатель. Случай с дубом побудил его изложить нам собственные свои соображения о природе электричества и гальванизма, которые были для меня новы и удивительны. Всё рассказанное им отодвинуло на задний план властителей моих дум – Корнелия Агриппу, Альберта Великого и Парацельса; но свержение этих идолов одновременно отбило у меня охоту к обычным занятиям. Я решил, что никто и никогда не сможет познать до конца. Всё, что так долго занимало мой ум, вдруг показалось мне не стоящим внимания. Повинуясь одному из этих капризов, которые более свойственны ранней юности, я немедленно оставил свои занятия, объявил все отрасли естествознания бесплодными и проникая величайшим презрением к этой псевдонауке, которой не суждено даже порога пождлинного познания.

В таком настроении духа я принялся за математику и смежные с нею науки, покоящиеся на прочном фундамента, а потому достойные моего внимания.

Вот как странно устроен человек и какие тонкие грани отделяют нас от благополучия и гибели. Оглядываясь назад, я вижу, что эта почти чудом свершившаяся перемена склонностей была подсказана мне моим ангелом-хранителем; то была последняя попытка добрых сил отвлечь грозу, уже нависшую надо мной и готовую меня поглотить. Победа доброго начала сказала в необычайном спокойствии и умиротворении, которые я обрёл, отказавшись от прежних занятий, в последнее время ставших для меня

мукой. Мне следовало бы тогда же почувствовать, что эти занятия для меня губительны и что моё спасение – в отказе от них.

Дух добра сделал всё возможное, но тщетно. Рок был слишком могуществен, и его непреложные законы несли мне ужасную гибель.

Ни у кого на свете не было столь счастливого детства, как у меня. Родители мои были воплощением снисходительности и доброты. Мы видели в них не тиранов, капризно управляющих нашей судьбой, а дарителей бесчисленных радостей. Посещая другие семьи, я ясно видел, какое редкое счастье выпало мне на долю, и признательность ещё усиливала мою сыновнюю любовь.

Нрав у меня был необузданный, и страсти порой овладевали мной всецело; но так уж я был устроен, что этот пыл обращался не на детские забавы, а к познанию, причём не всегда без разбора. Признаюсь, меня не привлекал ни строй различных языков, ни проблемы государственного и политического устройства.

Я старался познать тайны земли и неба; будь то внешняя оболочка вещей или внутренняя сущность природы и тайны человеческой души, мой интерес был сосредоточен на метафизических или – в высшем смысле этого слова – физических тайнах мира.

Наутро я вручил мои рекомендательные письма и сделал визиты некоторым из главных профессоров. Случай – а вернее злой рок, Дух Гибели, взявший надо мной полную власть, едва я скрепя сердце покинул родительский кров – привёл меня сперва к господину Кремке, профессору естественных наук. Это был грубоватый человек, но большой знаток своего дела. Он задал мне несколько вопросов, с целью проэкзаменовать меня в различных областях естествознания. Я отвечал ему небрежно и с некоторым вызовом упомянул моих алхимиков в качестве главных авторов, которых я изучил. Профессор широко раскрыл глаза: «И вы в самом деле тратили время на эту чепуху?».

Я отвечал утвердительно. «Каждая минута, - с жаром сказал господин Кремпе, - каждая минута, потраченная на эти книги, целиком и безвозвратно потеряна вами. Вы обременили свою память опровергнутыми теориями и ненужными именами. Боже! В какой же пустыни вы жили, если никто не сообщил вам, что этим басням, которые вы так жадно поглощали, тысяча лет и что они успели заплесневеть? Вот уж не ожидал в наш просвещённый научный век встретить ученика Альберта Великого и Парацельса. Придется вам, сударь, заново начать все ваши знания». Затем он составил список книг по естествознанию, которые рекомендовал достать, и отпустил меня, сообщив, что со следующей недели начинает читать курс общего естествознания, а его коллега Вальдман, по другим по другим дням недели,

будет читать лекции по химии. Я возвратился к себе не то чтобы разочарованный, ибо я и сам, как я уже говорил, давно считал бесполезными осуждённые профессором книги; но я вообще не хотел больше заниматься этими предметами в каком бы то ни было виде. Г-н Кремпе был приземистый человек с резким голосом и уродливой внешностью; таким образом, и личность профессора не расположила меня к его науке. В общем, так сказать философском смысле я уже говорил, к каким заключениям я пришёл в юности относительно этой науки. Моё ребяческое любопытство не удовлетворилось результатами, какие сулит современное естествознание. В моей голове царил полная путаница, объясняемая только крайней молодостью и отсутствием руководства; я прошёл вспять по пути науки и открытиям моих современников предпочёл грёзы давно позабытых алхимиков. К тому же я чувствовал презрение к утилитарности современной науки. Иное дело когда учёные искали секрет бессмертия и власти; то были великие, хотя и тщетные стремления; теперь же всё обстояло иначе. Нынешний учёный, казалось, ограничивался задачей опровергнуть именно те видения, которые больше всего привлекали меня к науке. От меня требовалось сменить величественные химеры на весьма мизерную реальность.

Так размышлял я в первые два-три дня по прибытии в Ингольштадт, которые я посвятил главным образом знакомству с городом и с новыми соседями. Но на следующей неделе я вспомнил о лекциях, упомянутых г-ном Кремпе. Хотя я и не желал идти слушать, как будет вещать с кафедры этот самоуверенный человек, я вспомнил, что говорил мне о г-не Вальдмане, которого я ещё не видел, ибо его не было в городе.

Частью из любопытства, а частью от нечего делать, я пришёл в аудиторию, куда вскоре явился г-н Вальдман. Этот профессор был очень непохож на своего коллегу. Ему было на вид пятьдесят, и лицо его выражало величайшую доброту; на висках волосы его начинали седеть, но на затылке были совершенно чёрные. Роста он был небольшого, однако держался необыкновенно прямо, а такого благозвучного голоса я ещё никогда не слышал. Свою лекцию он начал с обзора истории химии и сделанных в ней открытий, с благоговением называя имена наиболее выдающихся учёных. Затем он вкратце изобразил современное состояние своей науки и разъяснил основные её термины. Показав насколько предварительных опытов, он в заключении произнёс хвалу современной химии в выражениях, которые я никогда не забуду.

- Прежние преподаватели этой науки, - сказал он, - обещали невозможное, но не совершили ничего. Нынешние обещают очень мало; они знают, что превращение металлов немислимо, а эликсир жизни — несбыточная мечта. Но именно эти учёные, которые, казалось бы, возятся в грязи и корпят над микроскопом и тиглем, именно они и совершили истинные чудеса. Они прослеживают природу в её сокровенных тайниках. Они поднимаются в небеса; они узнали, как обращается в нашем теле кровь и

из чего состоит воздух, которым мы дышим. Они приобрели новую и почти безграничную власть; они повелевают небесным громом, могут воспроизвести землетрясения и даже вызов невидимому миру.

Таковы были слова профессора, вернее, слова судьбы, произнесённые на мою гибель. По мере того как он говорил, я чувствовал, что схватился наконец с достойным противником; он затрагивал одну за другой сокровенные фибры моей души, заставлял звучать струну за струной и скоро я весь был полон одной мыслью, одной целью. Если столько уже сделано – восклицала душа Франкенштейна – я сделаю больше, много больше; идя по проложенному пути, я вступлю на новый, открою неизведанные ещё силы и приобщу человечество к глубочайшим тайнам природы.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Всё в моей душе бурно кипело; я чувствовал, что из этого возникнет новый порядок, но не имел сил сам его навести. Сон снизошёл на меня лишь на рассвете. Когда я проснулся, ночные мысли представились мне какими-то сновидениями. Осталось только решение возвратиться к прежним занятиям и посвятить себя науке, которой я имел, как мне казалось врождённый дар. В тот же день я посетил г-на Вальдмана. В частной беседе он был ещё обаятельней, чем на кафедре; некоторая торжественность, заметная в нём во время лекций, в домашней обстановке сменилась непринуждённой приветливостью и добротой. Я рассказал ему о своих занятиях почти то же, что уже рассказывал егшо коллеге. Он внимательно выслушал мою краткую повесть и улыбнулся при упоминании о Кремпе, Агриппе и Парацельсе, однако без того презрения, какое обнаружил г-н Кремпе. Он сказал, что «неутомимому усердию этих людей современные учёные обязаны многими основами своих знаний. Они оставили нам задачу более лёгкую: дать новые наименования и расположить в строгом порядке факты, впервые обнаруженные с их помощью. Труд гениев, даже ложно направленный, почти всегда в конечном итоге служит на благо человечества». Я выслушал эти замечания, высказанные без малейшей аффектации или самонадеянности, и сказал, что его лекция уничтожила моё предубеждение против современных химиков; я говорил сдержанно, со всей скромностью и почтительностью, подобающей юнцу в беседе с наставником, а тем не выдал, стыдясь проявить свою житейскую неопытность, энтузиазм, с каким готовился взяться за дело. Я спросил его совета относительно нужных мне книг.

- Я счастлив, - сказал г-н Вальдман, - что приобрёл ученика, и если ваше прилежание равно вашим способностям, то я не сомневаюсь в успехе. В химии, как ни в одной другой из естественных наук, сделаны и ещё будут сделаны величайшие открытия. Вот почему я избрал её, не пренебрегая вместе с тем и другими науками. Плох тот химик, который не интересуется ничем, кроме своего предмета. Если вы желаете стать настоящим учёным, а не рядовым экспериментатором, я советую вам заняться всеми естественными науками, не забывая и о математике.

Затем он провёл меня в свою лабораторию и объяснил назначение различных приборов; сказал, какие из них мне следует достать, и пообещал давать в пользование свои собственные, когда я настолько продвинулся в науке, чтобы их не испортить. Он вручил мне также список книг, о котором я просил и я откланялся.

Так окончился этот памятный для меня день; он решил мою судьбу.

С того дня естествознание, и особенно химия, в самом широком смысле слова, стало почти единственным моим занятием. Я усердно читал талантливые и обстоятельные сочинения современных учёных. Я слушал лекции и знакомился с университетскими профессорами и даже в г-не Кремпе обнаружил немало здравого смысла и знаний, правда сочетавшихся с отталкивающей физиономией и манерами, но оттого не менее ценных. В лице г-на Вальдмана я обрёл истинного друга. Его заботливость никогда не отдавала нравоучительностью; свои наставления он произносил с искренним добродушием, чуждым всякого педантства. Он бесчисленными способами облегчал мне путь к знанию и самые сложные понятия умел сделать лёгкими и доступными.

Моё прилежание, поначалу неустойчивое, постепенно окрепло, и вскоре я стал работать с таким рвением, что утренний свет, гасивший звёзды, часто заставлял меня в лаборатории.

При таком упорстве я, разумеется, сделал большие успехи. Я поражал студентов своим усердием, а наставников – познаниями. Профессор Кремпе не раз с лукавой усмешкой спрашивал меня, как поживает Корнелий Агриппа, а г-н Вальдман выражал по поводу моих успехов самую искреннюю радость. Так прошло два года, и за это время я ни разу не побывал в Женеве, всецело предавшись занятиям, которые, как я надеялся, приведут меня к научным открытиям. Только те, кто испытал это, знают неодолимую притягательность научного исследования. Во всех прочих занятиях вы лишь идёте путём, которым до вас прошли другие, ничего вам не оставив; тогда как здесь вы непрерывно что-то открываете и изумляетесь.

Даже человек средних способностей, упорно занимаясь одним предметом, непременно достигнет в нём глубоких познаний; поставив себе одну-единственную цель и полностью ей отдавшись, я добился таких успехов, что к концу второго года придумал некоторые усовершенствования в химической аппаратуре, завоевавшие мне в университете признание и уважение. Вот тогда-то, усвоив из теории и практики естествознания всё, что могли мне дать ингольштадтские профессора, я решил вернуться в родные места; но тут произошли события, продлившие моё пребывание в Ингольштадте.

Одним из предметов, особенно занимавших меня, было строение человеческого и вообще любого живого организма. Где, часто спрашивал я себя, таится жизненное начало? Вопрос смелый и всегда считавшийся загадкой; но мы стоим на пороге множества открытий, и единственной помехой является наша робость и леность. Размышляя над этим, я решил

особенно тщательно изучать физиологию. Если бы не моя одержимость, эти занятия были бы тягостны и почти невыносимы.

Для исследования причин жизни мы вынуждены обращаться сперва к смерти. Я изучил анатомию, но этого было мало; необходимо было наблюдать процесс естественного распада и гниения тела. Воспитывая меня, отец принял все меры к тому, чтобы в мою душу не закрался страх перед сверхъестественным. Я сосредоточил своё внимание на явлениях, наиболее оскорбительных для наших чувств. Я увидел, чем становится прекрасное человеческое тело; я наблюдал, как превращается в тлен его цветущая красота; я увидел, как всё, что радовало глаз и сердце, достаётся в пищу червям. Я исследовал причинные связи перехода от жизни к смерти и от смерти к жизни, как вдруг среди полной тьмы блеснул внезапный свет – столь ослепительный и вместе с тем ясный, что я, потрясённый открывшимися возможностями, мог только дивиться, почему после стольких гениальных людей, изучавших этот предмет, именно мне выпало открыть великую тайну.

Напомню, что эта повесть – не бред безумца. Всё, что я рассказываю, так же истинно, как солнце на небесах. Быть может, тут действительно свершилось чудо, но путь к нему был вполне обычным. Ценою многих дней и ночей нечеловеческого труда и усилий мне удалось постичь тайну зарождения жизни; более того – я узнал, как самому оживлять безжизненную материю.

Изумление, охватившее меня в первые минуты, скоро сменилось безумным восторгом. После стольких трудов достичь предела своих желаний – в этом была для меня величайшая награда. Моё открытие было столь ошеломляющим, что ход мысли, постепенно приведший меня к нему, изгладился из моей памяти, и я видел один лишь конечный результат. Я держал в руках то, к чему стремились величайшие мудрецы от начала времён. Нельзя сказать, что всё открылось мне сразу, точно по волшебству; то, что я узнал, могло служить руководством к заветной цели; но сама цель ещё не была достигнута. Я был подобен арабу, погребённому вместе с мертвецами и увидевшему выход из склепа при свете единственной, слабо мерцавшей свечи.

По вашим глазам, загоревшимся удивлением и надеждой, я вижу, что вы, мой друг, жаждете узнать открытую мной тайну; этого не будет – выслушайте меня терпеливо до конца, и вы поймёте, почему на этот счёт я храню молчание. Я не хочу, чтобы вы, неосторожный и пылкий, как я сам был тогда, шли на муки и вредную гибель. Пускай не наставления, а мой собственный пример покажет вам, какие опасности таит в себе познание и поскольку тот, для кого мир ограничен родным городом, счастливей меня того, кто хочет вознестись выше поставленных природой пределов.

Получив в свои руки безмерную власть, я долго раздумывал, как употребить её наилучшим образом. Я знал, как оживить безжизненное тело, но составить такое тело, во всей сложности нервов, мускулов и сосудов,

оставалось задачей невероятно трудной. Я колебался, создать ли себе подобного или же более простой организм; но успех вскружил мне голову, и я не сомневался, что сумею вдохнуть жизнь даже в существо столь удивительное и сложное, как человек.

Материалы, бывшие в моём распоряжении, казались недостаточными для этой трудной задачи, но я не сомневался в конечном успехе. Я заранее приготовился к множеству трудностей; к тому, что помехи будут возникать непрестанно, а результат окажется несовершенным; но, памятуя о ежедневных достижениях техники и науки, я надеялся, что мои попытки хотя бы заложат основание для будущих успехов. Сложность и дерзость моего замысла также не казались мне доводом против него. С этими мыслями я приступил к сотворению человеческого существа.

Поскольку сбор мельчайших частиц очень замедлил бы работу, я отступил от своего первоначального замысла и решил создать гиганта – около восьми футов ростом (243,84 см) и соответственно мощного сложения. Приняв это решение и затратив несколько месяцев на сбор нужных материалов, я принялся за дело.

Никому не понять сложных чувств, увлекавших меня, подобно вихрю, в эти дни опьянения успехом. Мне первому предстояло преодолеть грань жизни и смерти и озарить наш тёмный мир ослепительным светом. Новая порода людей благословит меня как своего создателя; множество счастливых и совершенных существ будут обязаны мне своим рождением. Ни один отец не имеет столько прав на признательность ребёнка, как буду иметь я. Раз я научился оживлять мёртвую материю, рассуждал я, со временем (хотя сейчас это было для меня невозможно) я сумею также давать вторую жизнь телу, которое смерть уже обрекла на исчезновение.

Эти мысли поддерживали мой дух, пока я с неослабным рвением отдался работе. Щёки мои побледнели, а тело исхудало от затворнической жизни. Бывало, что я терпел неудачу на самом пороге успеха, но продолжал верить, что он может прийти в любой день и час. Тайна, которой владел я один, стала смыслом моей жизни, и ей я посвятил себя всецело.

Ночами, при свете месяца, я неутомимо и неустанно выслеживал природу в самых сокровенных её тайнах. Как рассказать об успехах этих ночных бдений, когда я рылся в могильной плесени или терзал живых тварей ради оживления мёртвой материи? Сейчас при воспоминании об этом я дрожу всем телом, а глаза мои застилает туман; но в ту пору какое-то безудержное исступление влекло меня вперёд. Казалось, я утратил все чувства и видел лишь одну свою цель.

То была временная одержимость; все чувства воскресли во мне с новой силой, едва она миновала, и я вернулся к прежнему образу жизни. Я собирал кости в склепах; я кощунственной рукой вторгался в сокровенные уголки человеческого тела. Свою мастерскую я устроил в уединенной комнате, вернее чердаке, отделённом от других прочих помещений галереей и лестницей; иные подробности этой работы внушали мне такой ужас, что

глаза мои едва не вылезали из орбит. Бойня и анатомический театр поставляли мне большую часть моих материалов, и я часто содрогался от отвращения, но, подгоняемый всё возрастающим нетерпением, всё же вёл работу к концу.

За этой работой, поглотившей меня целиком, прошло всё лето. В тот год лето стояло прекрасное: никогда поля не приносили более обильной жатвы, а виноградники – лучшего сбора; но красоты природы меня не трогали. Та же одержимость, которая делала меня равнодушным к внешнему миру, заставила меня позабыть и друзей, оставшихся так далеко и не виденных так давно. Я понимал, что моё молчание тревожит их, и помнил своего отца: «Знаю, что пока ты доволен собой, ты будешь вспоминать нас с любовью и писать нам часто. Прости, если я сочту твоё молчание признаком того, что ты пренебрёг и другими своими обязанностями».

Таким образом, я знал, что должен был думать обо мне отец, и всё же не мог оторваться от занятий, которые, как они ни были сами по себе отвратительными, захватили меня целиком. Я словно отложил всё, что касалось моих привязанностей, до завершения великого труда, подчинившего себе всё моё существо.

Я считал тогда, что отец несправедлив ко мне, объясняя моё молчание разгульной жизнью и ленью; но теперь я убеждён, что он имел основание подозревать нечто дурное. Совершенный человек всегда должен сохранять спокойствие духа, не давая страсти или мимолётным желаниям возмущать этот покой. Я полагаю, что труд учёного не составляет исключения. Если ваши занятия ослабляют в вас привязанности и отвергают вас от простых и чистых радостей, значит, в этих занятиях наверняка есть нечто неподобающее человеку. Если бы это правило всегда соблюдалось и человек никогда не жертвовал бы любовью к близким ради чего бы то ни было, Греция не попала бы в рабство, Цезарь пощадил бы свою страну, освоение Америки было бы более постепенным, а государства Мексики и Перу не подверглись бы разрушению.

...Отец в своих письмах не упрекал меня и только подробней чем прежде, осведомлялся о моих занятиях. Прошли зима, весна и лето, пока я был занят своими трудами, но я не любовался цветами и свежими листьями, прежде всегда меня восхищавшими, - настолько я был поглощён работой. Листья успели увянуть, прежде чем я её завершил; и теперь я с каждым днём убеждался в полном своём успехе. Однако к восторгу примешивалась и тревога, и я больше походил на раба, томящегося в рудниках или ином гиблом месте, чем на творца, занятого любимым делом. По ночам меня лихорадило, а нервы были болезненно напряжены: я вздрагивал от шороха падающего листа и избегал людей, словно имел на совести преступление. Иногда я пугался, видя, что превращаюсь в развалину; меня поддерживало только моё стремление к цели; труд мой подвигался к концу, и я надеялся, что прогулки и развлечения предотвратят начинающуюся болезнь; всё это я обещал себе, как только работа будет окончена.

...Однажды ненастной ноябрьской ночью я узрел завершение моих трудов. С мучительным волнением я собрал всё необходимое, чтобы зажечь жизнь в бесчувственном создании, лежавшем у моих ног. Был час пополуночи; дождь уныло стучал в оконное стекло; свеча почти догорала, и вот при её неверном свете я увидел, как открылись тусклые жёлтые глаза; существо начало дышать и судорожно подёргиваться.

Как описать мои чувства при этом ужасном зрелище, как изобразить несчастного, созданного мною с таким невероятным трудом? А между тем члены его были соразмерны, и я подобрал для него красивые черты. Красивые – Боже великий! Жёлтая кожа слишком туго обтягивала его мускулы и жилы; волосы были чёрные, блестящие и длинные, а зубы белые как жемчуг; но тем страшнее был их контраст с водянистыми глазами, почти неотличимыми по цвету от глазниц, с сухой кожей и узкой прорезью чёрного рта.

Нет в жизни ничего переменчивее наших чувств. Почти два года я трудился с единственной целью вдохнуть жизнь в бездыханное тело. Ради этого я лишил себя покоя и здоровья. Я желал этого с исступлённой страстью; а теперь когда я окончил свой труд, вся прелесть мечты исчезла, и сердце моё наполнилось несказанным ужасом и отвращением. Не в силах вынести вида своего творения, я кинулся вон из комнаты и долго шагал по своей спальне, чувствуя, что не смогу заснуть.

...Я в ужасе проснулся; на лбу у меня выступил холодный пот, зубы стучали, и всё тело свела судорога; и тут в мутном тяжёлом свете луны, пробивавшем сквозь ставни, я увидел гнусного урода, сотворённого мной. Он приподнял полог кровати; глаза его, если можно назвать их глазами, были устремлены на меня. Челюсти его двигались, и он издавал непонятные звуки, растягивая рот в улыбку.

Он, кажется, говорил, но я не слышал; он протянул руку, словно удерживал меня, но я вырвался и побежал вниз по лестнице. Я укрылся во дворе нашего дома и там провёл остаток ночи, расхаживая взад и вперёд в сильнейшем волнении, настораживая слух и пугаясь каждого звука, словно возвещавшего приближение отвратительного существа, в котором я вдохнул жизнь.

На него невозможно было смотреть без содрогания. Никакая мумия, возвращённая к жизни, не могла быть ужаснее этого чудовища. Я видел своё творение неоконченным; оно и тогда было уродливо, но когда его суставы и мускулы пришли в движение, получилось нечто более странное, чем все вымыслы Данте. Я провёл ужасную ночь...

Временами пульс мой бился так быстро и сильно, что я ощутил его в каждой артерии, а порой и готов был упасть от слабости. К моему ужасу примешивалась горечь разочарования; то, о чём я так долго мечтал, теперь превратилось в мучение; и как внезапно и непоправима была эта перемена!

...Я боялся увидеть чудовище, но ещё больше боялся, что его может увидеть Анри. Попросив его подождать несколько минут внизу, я быстро

взбежал по лестнице. Моя рука потянулась уже к ручке двери, и только тут я опомнился. Я медлил войти; холодная дрожь пронизывала меня с головы до ног. Потом я резко распахнул дверь, как делают дети, ожидая увидеть привидение; за дверью никого не было. Я со страхом вошёл в комнату, но она была пуста; ужасного гостя не было и в спальне. Я едва решался верить такому счастью, но когда убедился, что мой враг действительно исчез, я радостно всплеснул руками и побежал за Клевралем...

...- Ты должен создать для меня женщину, с которой мы могли бы жить, питая друг к другу привязанность, необходимую мне как воздух. Это можешь сделать только ты. Я вправе требовать этого, и ты не можешь мне отказать.

...-Я отказываюсь, - ответил я, - и никакие пытки не вырвут у меня согласие. Ты можешь сделать меня самым несчастным из людей, но ты никогда не заставишь меня пасть так низко в моих собственных глазах. Могу ли я создать другое, подобное тебе, существо, чтобы вы вместе опустошили мир? Прочь от меня! Сой ответ нет, ты можешь замучить меня, но я никогда на это не соглашусь.

- Ты несправедлив, - ответил демон. - Я затаил злобу, потому что несчастен. Разве не бегут от меня, разве не ненавидят меня все люди? Ты сам, мой создатель, с радостью растерзал бы меня; пойми это и скажи, почему я должен жалеть человека больше, чем он жалеет меня? Ты не считал бы себя убийцей, если бы тебе удалось сбросить меня в одну из этих ледяных пропастей и уничтожить моё тело - создание твоих собственных рук. Почему же я должен щадить людей, когда они меня презирают? Пусть бы человек жил со мной в согласии и дружбе; тогда вместо зла я осыпал бы его всеми благами и со слезами благодарил бы только за то, что он принимает их. Но это невозможно. Человеческие чувства создают для нашего союза неодолимую преграду. А я не могу смириться с этим, как презренный раб. Я отомщу за свои обиды. Раз мне не дано вселять любовь, я буду вызывать страх; и прежде всего на тебя - моего заклятого врага, моего создателя, я клянусь обрушить неугасимую ненависть. Берегись: я сделаю всё, чтобы тебя уничтожить, и не успокоюсь, пока не опустошу твоё сердце и ты не проклянёшь час своего рождения.

Я хотел убедить тебя. Злостью я могу только повредить себе в твоих глазах; ибо ты не хочешь понять, что именно ты её причина. Если бы кто-нибудь отнёсся ко мне с ласкою, я отплатил бы ему стократно; ради одного этого создания я помирился бы со всем человеческим родом. Но это несбыточная мечта. А то, что я прошу у тебя, разумно и скромно. Мне нужно существо другого пола, но такое же отвратительное, как и я. Малая радость, но это всё, что я могу получить. И я удовлетворюсь этим. Правда, мы будем уродами, отрезанными от мира: но благодаря этому мы ещё более привяжемся друг к другу. Наша жизнь не будет счастливой, но она будет чиста и свободна от страданий, которые я сейчас испытываю. О мой создатель! Сделай меня счастливым; позволь мне почувствовать

благодарность к тебе за одну-единственную милость. Позволь мне убедиться, что я способен хоть в ком-нибудь возбуждать сочувствие; не отказывай в моей просьбе.

- Если ты согласен, то ни ты, ни какое-либо другое человеческое существо никогда нас больше не увидит: я удалюсь в обширные пустыни Южной Америки. Моя пища отличается от человеческой; я не уничтожу ни ягнёнка, ни козлёнка ради насыщения своей утробы; жёлуди и ягоды – вот всё, что мне нужно. Моя подруга, подобно мне, будет довольствоваться той же пищей. Нашим ложем будут сухи листья; солнце будет светить нам, как светит людям, и растить для нас плоды. Картина, которую я тебе рисую, - мира и человечная, и ты, конечно, сознаёшь, что не можешь отвергнуть мою просьбу ради того, чтобы показать свою власть и жестокость. Как ты ни безжалостен ко мне, сейчас я вижу в твоих глазах сострадание. Дай мне воспользоваться благоприятным моментом, обещай мне то, чего я так горячо желаю.

Мне стало ясно, что я не могу создать женщину, не посвятив снова несколько месяцев тщательным исследованиям и изысканиям.

Я слышал о некоторых открытиях, сделанных одним английским учёным; сведения о них могли иметь важное значение для успеха моей работы...

Я вспомнил также о настоятельной необходимости либо поехать в Англию, либо завязать длительную переписку с теми из тамошних учёных, познания и открытия которых были крайне необходимы в предстоящей мне работе. Второй способ получения желательных сведений мог оказаться медленным и недостаточным.

... На всём острове было лишь три жалких хижины; одна из них пустовала, когда я прибыл. Эту хижину я и снял. В ней было всего две комнаты, и она являла чрезвычайно убогий вид. Соломенная крыша провалилась, стены были не оштукатурены, а дверь сорвана с петель. Я распорядился починить хижину, купил кой-какую обстановку и вступил во владение...

В этом убежище я посвятил утренние часы работе; в вечернее же время, когда позволяла погода, я совершал прогулки по каменному берегу моря, прислушиваясь к рёву волн, разбивавшихся у моих ног. Картина была однообразна, но вместе с тем изменчива. (Далее рукопись прерывается...)